

стные структуры, а ее конечная цель — явное или неявное перераспределение. В условиях интенсивного поиска ренты успех предпринимателя зависит не столько от производственных инноваций, сколько от умения завоевывать и сохранять расположение государственных органов. В итоге формируется извращенная мотивация предпринимательской активности.

Чем в большей степени успехи конкретных предпринимательских структур определяются их взаимоотношениями с государственными органами, тем больше предпринимательская активность и расходование средств работают не на наилучшее удовлетворение запросов потребителей, а на обеспечение искусственных преимуществ. В этой связи чрезмерное вмешательство государства в экономическую жизнь может оказаться расточительным не только само по себе, но и с позиций влияния на частный сектор.

РАЗДЕЛ 4

Новая политическая экономия Джеймса Бьюкенена

Каждый раз, когда речь заходит о теории общественного выбора, первым делом вспоминается имя нобелевского лауреата по экономике (1986) *Джеймса Мак-Джилла Бьюкенена*. Этот экономист был в числе первых авторов, выбравших абсолютно новое направление экономического анализа — нерыночные решения. Первая его статья на эту тему «Чистая теория общественных финансов : предлагаемый подход» была опубликована еще полвека назад, в 1949 г.⁴ (хотя рождение теории общественного выбора связывают с публикацией годом раньше Д. Блэком двух статей о правлении большинства⁵). Лишь в конце 60-х гг. за этим направлением закрепится собственное название — теория общественного выбора. С 1949 г. Бьюкененом опубликовано множество работ, только их полный перечень занимает более 20 страниц.⁶

⁴ *Buchanan J.* The pure theory of public finance : A suggested approach//J. Pol. Econ. 1949. Vol. 57. P. 496—505.

⁵ *Black D.* 1) On the rationale of group decision making//J. Pol. Econ. 1948a. Vol. 56. P. 23—34; 2) The decisions of a Committee using a special majority//Econometrica. 1948b. Vol. 16. P. 245—261.

⁶ С его полной библиографией можно познакомиться в кн.: *Бьюкенен Дж. М.* Сочинения. М., 1997. Т. 1. С. 525—546. (Сер. «Нобелевские лауреаты по экономике»). В 1997 г. в России были изданы две крупнейшие работы Бьюкенена: «Расчет согласия : Логические основания конституционной демократии» (в соавторстве с Г. Таллоком; 1962) и «Границы свободы : Между анархией и Левиафаном» (1975). Среди его наиболее известных непереведенных монографий выдержавшие 6 изданий: «*The public finance*» (последнее издание — 1986); «*Demand and supply of public*

Бьюкенен родился 2 октября 1919 г. в США (г. Мерфисборо, штат Теннесси). Экономическое образование получил в знаменитом учебном заведении, являющемся безусловным лидером по числу нобелевских лауреатов в области экономики, — Чикагском университете. К проблеме общественного выбора Бьюкенен обратился уже после присвоения ему докторской степени по экономике в 1948 г. Как позже заметил он сам, «только в отпуске после защиты диссертации начинающий ученый может позволить себе читать все, что попадает под руку, и мой собственный опыт не является исключением».⁷ Если бы Бьюкенену не попала под руку книга шведского экономиста К. Викселля «Исследование по теории финансов» (1896), то, возможно, этот раздел лекции был бы посвящен не ему.

Другим известным экономистом, оказавшим влияние на Бьюкенена, был его университетский преподаватель Ф. Найт, один из основателей знаменитой чикагской школы экономики, всегда отстаивавшей достоинства рынка и конкуренции и выступавшей против экспансии государства. Этот дух чикагской школы явно присутствует во всех работах Бьюкенена.

Судьбе было угодно, чтобы дальнейшее исследование общественного выбора сосредоточилось в американском городе Шарлоттсвиле (штат Виргиния). В 1963 г. Бьюкенен и Таллок организовали там первую конференцию экономистов, выбравших политические решения и государственные институты объектом своего анализа. Статьи и материалы конференций первоначально выходили под названием «Записки о принятии нерыночных отношений» («Papers on non-market decision making»). А в 1969 г. Бьюкененом и Таллоком был создан Центр изучения общественного выбора, который вплоть до 1982 г. находился в Виргинском политехническом институте. В настоящее время это Центр изучения общественного выбора при Университете Дж. Мэсона (г. Фейрфакс, штат Виргиния).

Другая «судьбоносная» конференция прошла в Чикаго в 1967 г. На этой конференции было организовано Общество общественного выбора и было принято решение четвертый том «Записок» опубликовать с новым заголовком — «Общественный выбор» («Public choice»), а в дальнейшем издавать журнал с таким же названием. Так появился

goods» (1968); «*Freedom in constitutional contract : Perspective of a political economist*» (1978); «*Liberty, market and state : Political economy in the 1980's*» (1985); «*Economics : Between predictive science and moral philosophy*» (1987); «*The economics and ethics of constitutional order*» (1991); «*Ethics and economic progress*» (1993). Несколько известных книг написаны им в соавторстве: с Р. Вагнером — «*Democracy in deficit : The political legacy of Lord Keynes*» (1978); с Дж. Бреннаном — «*Power to tax : Analytical foundations of a fiscal constitution*» (1980) и «*The reason of rules*» (1985).

⁷ Бьюкенен Дж. М. Сочинения. С. 17.

известнейший журнал, который в 1993 г. (к его 25-летию) выписывали около 1000 библиотек во всем мире.⁸ Заметим, что своей популярностью журнал во многом обязан регулярным публикациям статей Бьюкенена. Начиная с 1990 г. Центр стал издавать второй журнал — «Конституционная политическая экономия» («Constitutional political economy»).

Центр общественного выбора превратился в настоящее организационное ядро так называемой виргинской школы политической экономии.⁹ К ее наиболее известным представителям, кроме, естественно, неоднократно вышеупомянутых Бьюкенена и Таллока, также относятся такие известные американские экономисты, как Д. Мюллер, М. Олсон, Ч. Роули, Р. Толлисон. Все они принадлежат к «империалистическому» направлению современной экономической мысли, для которого характерно применение методов экономического анализа к нетрадиционным для экономиста сферам исследования. Фактически одним из первых «империалистов» стал Бьюкенен, осуществивший экономический анализ политической жизни общества. Бьюкенен писал: «Общественный выбор — это взгляд на политику, который возникает вследствие распространения применения инструментов и методов экономиста на коллективные или нерыночные решения».¹⁰ В связи с этим теория общественного выбора имеет сегодня и другое название — *новая политическая экономия*.¹¹

Согласно представлениям Дж. Бьюкенена, эта новая дисциплина строится на двух основных методологических постулатах. Первый состоит в том, что индивид преследует свои собственные интересы (т. е. является *homo oeconomicus*); второй — это трактовка политического процесса, с помощью которого индивиды реализуют свои интересы как разновидности обмена.

Однако постулату индивидуализма отводится главное место. «Первым и наиболее важным предположением, которое обеспечивает ос-

⁸ Rowley Ch., Schneider F., Tollison R. The next twenty-five years of «Public choice» // Public Choice. 1993. Vol. 77. P. 2.

⁹ Считается, что впервые определение «виргинская школа» ввел американский экономист М. Олсон (Mueller D. C. The public choice approach to politics. Aldershot, 1993. P. 431).

¹⁰ Buchanan J. M. Public choice perspective // Econ. Sci. Publ. 1983. N 1. P. 19.

¹¹ Заметим, что смысл этого термина не совпадает со старыми значениями политической экономии. Во времена Монкретьена это была теория экономической политики, а в XIX в. — просто экономическая теория. Дж. Бьюкенен в статье «Конституционная экономика» считает, что в континентальной Европе под рубрику «новая политическая экономия» подпадает целый набор субдисциплин, в которые входят: 1) общественный выбор, из которого вытекает конституционная экономика; 2) экономика прав собственности; 3) экономический анализ права; 4) политическая экономия регулирования; 5) новая институциональная экономика и 6) новая экономическая история (The New Palgrave: A dictionary of economics. London etc., 1987. Vol. 1. P. 586).

нование для любой истинной теории демократии, является то, которое помещает источники ценности исключительно в самих индивидов».¹² Политические и другие институты оцениваются в соответствии с тем, насколько хорошо они позволяют индивидам преследовать собственные интересы. Индивидуализм, выбранный Бьюкененом в качестве предпосылки анализа, как раз и позволяет осмыслить политический процесс как взаимовыгодный обмен. Идеалом является установление таких общественных институтов, которые, подобно конкурентному рынку, позволят преследующим индивидуальные интересы одновременно обеспечивать и общественные интересы.

Заметим, что именно эти методологические основы экономического анализа политического процесса и содержались в работе Викселля. Как писал Бьюкенен, «Виксель заслуживает всеобщего признания как основоположник современной теории общественного выбора, поскольку в его диссертации 1896 г. присутствовали три важнейших элемента, на которых базируется эта теория: методологический индивидуализм, концепция „человека экономического“ (*homo oeconomicus*) и концепция политики как обмена».¹³

Что является интересами индивидов в общественном выборе? Ответ Бьюкенена на этот вопрос во многом совпадает с традиционным: общественные блага и частные блага с внешними эффектами, поставки которых через рынок приводят к парето-худшему результату, чем их поставки с помощью того или иного политического процесса. Однако Бьюкенен склонен рассматривать государство в первую очередь как средство реализации общественного согласия, выработки правил, которые обеспечивают социальное взаимодействие с выгодой для каждого, а не как простого поставщика общественных благ и корректировщика провалов рынка. В этом проявляется тот факт, что в отличие от многих коллег по изучению общественного выбора он уделяет больше внимания нормативному анализу государства.

Второй постулат (подход к политике как взаимовыгодному обмену) не означает отсутствия принципиальных отличий между политическим рынком и рынком частных благ. На последнем выгоды от обмена с ростом числа участников распределяются все с меньшими затратами на торговлю по поводу пропорций распределения этих выгод. Если в случае двусторонней монополии договорный процесс по разделу этих выгод отнимает много времени и сил, то на совершенно конкурентном рынке индивиды просто принимают цены рынка как данные. Второе важное свойство рынка частных благ заключается в том, что рынок тем эффективнее, чем выше уровень конкуренции, т. е. чем больше число его участников.

¹² *Buchanan J. M.* Constitutional democracy, individual liberty and political equility // *Jb. Neue Polit. Ökon.* 1985. N 4. S. 249.

¹³ *Бьюкенен Дж. М.* Сочинения. С. 18.

В отличие от рынков частных благ политический рынок, где решения принимаются коллективно, становится все менее эффективным с ростом числа участников. Так, политическое решение может быть парето-эффективным, если против него никто не станет возражать. Ведь сделки на рынке частных благ всегда есть сугубо добровольное деяние, осуществляемое непременно при «единогласии» сторон. Это означает, что и политическое решение, если оно претендует на парето-эффективный исход, должно приниматься единогласно. Если же число участников сделок на политическом рынке увеличивается, то вероятность единодушия сокращается практически до нуля, так же как и возможность установления парето-эффективного состояния. К этому же ведет и повышение мобильности населения, в то время как на рынках частных благ оно усиливает конкуренцию и приближает их к эффективному состоянию.

Бьюкенен подчеркивает и другие различия между политическим рынком и рынком частных благ. На первом люди меньше внимания уделяют «качеству» выбора. Это связано с тем, что при покупке продукта на частном рынке человек получает его наверняка, а при голосовании за кандидата, обещающего, допустим, строительство моста, мост не гарантирован даже в случае победы этого кандидата на выборах. Рынок частных благ имеет значительно более высокую способность к «точной настройке», — человек может выбирать между многочисленными разновидностями одного блага, покупать различные блага в самых разнообразных вариациях одновременно. Политический выбор же осуществляется из малого набора взаимоисключающих альтернатив.

Перечисленные преимущества рынка частных благ и недостатки политического рынка и определяют склонность Бьюкенена отдавать пальму первенства частному рынку перед государством везде, где это возможно. Однако как быть там, где частный рынок не работает или работает крайне неэффективно и требуются коллективные решения?

Бьюкенен предложил свое видение решения этой проблемы, получившей позже название «конституционной экономики». Для того чтобы политический механизм стал по своей эффективности подобием рынка совершенной конкуренции, все индивиды должны быть, во-первых, участниками одного и того же контракта, и, во-вторых, как уже отмечалось, этот контракт должен быть заключен ими единогласно. Этот контракт (общественный договор) и был определен как конституция.

Эта идея единогласия коллективного решения также присутствовала у Викселля. Поскольку Виксель понимал, что существуют издержки достижения единогласного решения, он предлагал принимать решения квалифицированным большинством, составляющим 90 % голосов. Однако, как только мы отходим от единогласия, сразу же возникают две проблемы. Во-первых, политическое решение заведомо будет парето-неэффективным, так как некоторые члены сообщества будут вынуждены действовать вопреки своим интересам; во-вторых, возникает

своего рода «бесконечная регрессия» (бесконечное возвращение в прежнее состояние) при определении правил голосования. По каким правилам устанавливать правила голосования? Кто, как и почему определяет, что, например, 90 % голосов достаточно для утверждения решения?

В чем, по Бьюкенену, преимущества единогласия? Во-первых, сразу же устраняется «бесконечная регрессия». Во-вторых, права каждого отдельного индивида безусловно соблюдаются. Если впоследствии индивид не будет соглашаться с решениями сообщества, принимаемыми в соответствии с конституцией, то он по крайней мере согласен с правилами, на основе которых принимаются эти решения. В-третьих, на конституционной стадии каждый индивид пребывает в состоянии неопределенности относительно своей позиции в будущем (т. е. наблюдается прямая аналогия с роулсианской «вуалью неведения») и в силу этого такая конституция не будет исключать перераспределение доходов, так как состоятельный сегодня индивид не знает, что ждет его (или его детей) много лет спустя. И наконец, в-четвертых, справедливость обеспечивает согласие всех индивидов следовать ее положениям и правилам на постконституционной стадии. Это согласие подкрепляется и ее договорной природой, — каждый индивид, добровольно заключивший конституционный договор, рассматривает содержащийся в ней набор правил как наилучший из возможных. Если же согласие в обществе относительно конституции рушится, то такому обществу грозит анархия. Страх перед ней тоже вносит свой вклад в решение индивида следовать конституционным правилам.

Бьюкенен проводит принципиальное различие между двумя стадиями политического процесса: выработкой правил и игрой по этим правилам, конституционной и постконституционной стадиями. В соответствии с двумя стадиями разделяются и роли государства. «Государство защищающее» обеспечивает игру по конституционным правилам, но не определяет сами эти правила (действует подобно футбольному судье), «государство производящее» предоставляет обществу нерыночные блага — блага, которые частные рынки обеспечивают плохо или не обеспечивают вовсе.

Идеальное общественное устройство, по Бьюкенену, строится на принципах контрактонизма. Они включают в себя следующие.

1. Равный подход ко всем индивидам на конституционной стадии, при этом правило единогласия служит для защиты индивидуальных прав и тем самым гарантирует, что воплощаемые в конституции правила и институты также будут относиться к индивидам беспристрастно, как к равным.

2. Действия на второй стадии политического процесса эффективно ограничены правилами, выработанными на первой, конституционной стадии, и это справедливо не только для отдельных граждан, но и для

выбранных представителей, бюрократии и юристов, отправляющих правосудие.

3. Принципиальное различие между действиями, предпринятыми в рамках конституционных правил, и изменениями самих этих правил. Последние имеют место только на конституционной стадии и в идеале построены на принципе единогласия.

По мнению Бьюкенена, в той степени, в какой страна соответствует этим трем критериям, она может считаться конституционной демократией, чьи институты обладают присущими контракционизму нормативными свойствами.

Как же Бьюкенен соотносит свою идеальную модель с существующей реальностью? Он полагает, что каждая демократическая страна имеет свое некое «конституционное статус кво» (будь это формальная конституция, как в США, или неформальная, как в Великобритании). Затем каждый индивид сравнивает этот статус кво с той идеальной конституцией, которую он может себе вообразить как продукт единогласного решения всех граждан в случае, если бы голосование состоялось сегодня. Если разрыв между реальной конституцией и идеальной не столь велик, то индивид найдет, что в его интересах соблюдать действующую конституцию. Согласно Бьюкенену, каждый гражданин должен спросить себя не просто о том, хороша существующая конституция или нет, а о том, может ли лучшая конституция быть получена с издержками меньшими, чем потенциальные выгоды от нее?

Позиция Бьюкенена может быть охарактеризована одновременно и как консервативная (защищающая существующий порядок) и как революционная. «Конституционная революция», согласно ему, может быть оправдана, если существующие правила настолько отдалятся от тех, которые могли бы быть выбраны сегодня обществом, что издержки принятия новой конституции меньше, чем издержки от продолжающегося следования устаревшим правилам.

В своих работах Бьюкенен отмечает необходимость такой «конституционной революции» в США.¹⁴ Понятно, что, исходя из реальных условий, предлагается не референдум по новой конституции на основе принципа единогласия, а поправки к действующей конституции в соответствии с существующим порядком. Среди ряда предлагаемых поправок особое внимание привлекает предложение конституционного закрепления сбалансированного (бездефицитного) государственного бюджета. Бьюкенен исходит из предпосылки, в соответствии с которой политик борется за голоса, предлагая избирателям пакеты мер «расходы—налоги». Допускается, что избиратели страдают так называемой

¹⁴ Наиболее детальные предложения по возможной конституционной реформе изложены им в совместной с Дж. Бреннаном кн.: *Brennan G., Buchanan J. The power to tax : Analytical foundations of a fiscal constitution*. Cambridge, 1980.

фискальной иллюзией.¹⁵ В результате политики выигрывают голоса путем обещания увеличить расходы и снизить налоги, при этом нехватка средств в бюджете покрывается выпуском облигаций или денежной эмиссией. Потерянное «чувство фискальной ответственности» у политиков и предлагается компенсировать соответствующей поправкой к конституции. Кроме того, предлагается ввести конституционные ограничения и на полномочия властей в области денежной политики.

Бьюкенен — принципиальный противник политики, которая допускает бюджетный дефицит во имя поддержания деловой активности и занятости. Он полагает, что бюджет государства не должен ничем отличаться от бюджета домохозяйства, т. е. всегда оставаться сбалансированным. Экономическое значение конституционных поправок Бьюкенена читатель в полной мере сможет оценить только после изучения курса макроэкономики, который начнется в следующем выпуске «ЭШ».

В США предлагаемую Бьюкененом конституционную поправку о бездефицитном бюджете поддерживает республиканская партия. Несколько лет назад она начинала кампанию по внесению ее в конституцию страны, но в конгрессе ей не хватило для этого немногих голосов. Однако идеи бездефицитного бюджета настолько прочно завладели общественным мнением в США (не без влияния виргинской школы политэкономии), что демократическая администрация Клинтона реализовала бездефицитный бюджет на практике. Более того, на ближайшие 10 лет ожидается совокупное положительное сальдо федерального бюджета в 660 млрд дол.¹⁶

Бьюкенен много писал об угрозе неконтролируемого роста государства, экспроприации им прав индивидов, угрозе, которую в современной экономической литературе принято называть «угрозой Левиафана».¹⁷ Он показал, что «демократия без оков» ведет к расползанию государства. Государство производящее наращивает бюджеты. Здесь возникает своего рода кумулятивный эффект: больше бюджеты — больше работников государственных органов — больше избирателей, голосующих за расширение правительственных программ. Государство защищающее, которое, по идее, должно лишь обеспечивать индивидуальные права, зафиксированные в конституционном договоре, берет на себя все больше полномочий, которые должны определяться исключительно на основе договора между индивидами, изменяет сами конституционные нор-

¹⁵ Ситуация, при которой преимущества от конкретных государственных расходов ясно видны их получателям, но этого нельзя сказать о связанных с ними издержках, которые распределены во времени и приходится на большое число людей (Словарь современной экономической теории Макмиллана. М., 1997. С.186).

¹⁶ Фин. известия. 1998. 20 февраля. С. 5.

¹⁷ Левиафан — мифическое морское чудовище, воплощающее зло. Английский философ Томас Гоббс (1588—1679) использовал образ Левиафана применительно к государству.

мы, т. е. изменяет базовую структуру прав без согласия на то граждан. Конституция, по Бьюкенену, должна эффективно ограничить государство, поставить его в жесткие рамки, создать своего рода «клетку для Левиафана» и тем самым гарантировать суверенитет каждого индивида.

В одной из своих работ Бьюкенен в лаконичной форме выразил свое кредо так: «По своим фундаментальным убеждениям я остаюсь индивидуалистом, конституционалистом, контракционистом, демократом (все эти слова, по существу, означают для меня одно и то же), а профессионально я — экономист».¹⁸

РАЗДЕЛ 5

Поиск ренты в экономике России

Теория общественного выбора, как отмечалось в разделе 3, включает в себя и теорию поиска ренты. К сожалению, эта теория совсем недавно стала известна в России. В то же время в России поиск ренты присущ в несравненно большей степени, чем развитым странам с рыночной экономикой. Современная Россия вполне заслужила определение «общества в поиске ренты» (*rent-seeking society*), впервые употребленное А. Крюгером в отношении ряда развивающихся стран.¹⁹

Однако, прежде чем приступить к российским проблемам, стоит несколько задержаться на определении самого понятия «поиск ренты». Это оправдано во многом тем, что понятие еще не вошло широко в лексикон российской экономической науки и зачастую встречает непонимание в среде российских экономистов.

Поиск прибыли и поиск ренты

Под рентой понимается превышение оплаты услуг фактора над удерживающим доходом (минимальной суммой, необходимой для обеспечения этим фактором данного объема услуг).²⁰ Наличие ренты побуждает владельца ресурсов искать варианты их наиболее выгодного размещения. Высокие положительные значения рентной части дохода привлекают ресурсы и фирмы в отрасль; существенные ее падения, наоборот, вызывают отток ресурсов и фирм из отрасли. Очевидно, что владелец ресурсов стремится к максимизации рентной составляющей выручки. Однако достижение этой цели может быть обеспечено раз-

¹⁸ Бьюкенен Дж. М. Сочинения. С. 220.

¹⁹ Krueger A. The political economy of the rent-seeking society // Amer. Econ. Rev. 1974. Vol. 64, N 3.

²⁰ См. лекцию 36, раздел. 1.